

СИБИРСКИЙ ТЕКСТ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 17-14-22003 "Сибирь Ф.М. Достоевского: семиотика пространства и нарративные стратегии" по региональному конкурсу "Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном".

THE SIBERIAN TEXT BY F.M. DOSTOYEVSKY AND G.D. GREBENSHCHIKOV

E. Safronova

Annotation

The article addresses the issue of Siberian topography in the creative work of F. Dostoyevsky and G.D. Grebenshchikov in comparative aspect, suggesting the geopoetic commonality of the two writers in the understanding of the historical and cultural development of the region. Siberia is presented as a special topos, with ambivalent semantics of death and spiritual revival at the same time.

Keywords: Dostoyevsky F.M., Grebenshchikov G.D., Siberia, the local text, space semiotics, chronotope, geopoetics.

Сафронова Елена Юрьевна

К.филол.н., доцент,

*Алтайский государственный университет;
член Международного общества Достоевского,
International Dostoevsky society*

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о сибирской топографии в творчестве Ф. М. Достоевского и Г. Д. Гребенщикова в компаративном аспекте, высказывается мысль о геопозитической общности творчества двух авторов в осмыслении исторического и культурного развития региона. В восприятии и изображении писателей Сибирь представляется особым топосом, наделённым амбивалентной семантикой смерти и духовного возрождения одновременно.

Ключевые слова:

Достоевский Ф.М., Гребенщикова Г.Д., Сибирь, локальный текст, Сибирский текст, семиотика пространства, хронотоп, геопозитика.

Исследование локальных текстов является актуальным направлением современного отечественного и зарубежного литературоведения. Активно возрастает интерес ученых к геокультурным аспектам истории национальной словесности, проблемам поэтики и семиотики локального текста, геокультурным перекресткам. Так, Сибирскому тексту посвящен целый ряд научных трудов: "Очерки русской литературы Сибири" (Новосибирск, 1982); "Сибирский текст в русской культуре: сб. ст." (Томск, 2002, 2007); "Сибирь в контексте мировой литературы: опыт самоописания: коллект. монография" (Томск, 2003); "Сибирь: взгляд извне и изнутри: духовные изменения пространства" (Иркутск, 2004); "Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллект. монография" (Красноярск, 2010); "Алтайский текст в русской культуре". Вып. 1–6 (Барнаул, 2002, 2004, 2006, 2008, 2013, 2015) и т.д.

Семиотический потенциал топонима Сибирь поистине неисчерпаем, что обусловило амбивалентность и диалектичность структуры сибирского текста. Не ясны точные границы Сибири как историко-культурного ландшафта, поскольку они были исторически подвижными. Историки считают, что слово сибир (шибир) существовало с V в. н.

э, в русских источниках впервые упоминается с 1483 г. Первоначально слово было этническим названием, относившимся к какой-то группе фино-угорских народов [26]. Сейчас Сибирь подразделяется на Западную и Восточную, иногда выделяют Южную Сибирь (в горной части), Северо-Восточную Сибирь и Среднюю Сибирь. Т.е. узкое понимание территории Сибири географически некорректно и каждый ученый понимает свой ареал. Наконец, художественный образ Сибири крайне неоднороден. В. И. Тюпа отмечает процесс мифологизации Сибири как terra incognita, страны мертвых [29, с. 27], места каторги и ссылки. Сибирская топография предполагает и другую семантическую проекцию – место духовного возрождения, земной рай, Новая Атлантида, утопическое Беловодье [27, с. 62].

Тема "Достоевский и Сибирь" при всей ее значимости для понимания творчества писателя, источников его творческой рефлексии, грамотного научного комментария, глубокого осмысления сибирского окружения, остается периферийной и недостаточно изученной. М. М. Громько справедливо называет две основные причины "слабой исследованности периода: представление о нем как малозначительном для развития творчества Досто-

евского и трудная доступность сведений об этом этапе" [8, с. 3]. Есть мемуарные и эпистолярные свидетельства (воспоминания барона А. Е. Врангеля [3], П. П. Семенова-Тянь-Шанского [20], о. Б. Г. Герасимова, письма Ф. М. Достоевского). Но по справедливому замечанию В. С. Вайнермана, нет "свода воспоминаний о Достоевском в Сибири, отражающего современное состояние науки", как "нет и научной биографии Достоевского" [1, с. 290]. Исследователи обращаются к этой теме либо в биографическом ключе (Н. И. Якушин, Н. Н. Наседкин, В. С. Вайнерман, В. Ф. Гришаев, М. М. Громыко, П. Ф. Маркин), либо сосредотачивают внимание на анализе отдельных мотивов (О. Г. Левашова, В. И. Габдуллина, К. В. Анисимов, Е. Ю. Сафронова и др.). Практически неисследованным остается вопрос о роли Достоевского в процессе развития и формирования традиции сибирского текста. Насколько нам известно, вопрос о сибирском тексте в творчестве Ф. М. Достоевского и Г. Д. Гребенщикова (1882–1964) в компаративном ключе даже не ставился, хотя в восприятии этой территории и построении регионального мифа есть много общего.

Г.Д. Гребенщиков – писатель из глубинки, родившийся на Алтае. Его называли "Сибирским Горьким" [30, с. 37], "писателем, влюбленным в Сибирь" [24], преемником Достоевского и Тургенева. Проблема сознательной ориентации в жизнетворчестве Гребенщикова на Толстого обращался исследователь А. Ю. Горбенко в статье "Георгий Гребенщиков как Лев Толстой: Толстовский текст жизнетворчества Гребенщикова". Были работы о влиянии М. Горького и Г. Н. Потанина на судьбу и мировосприятие сибирского писателя (См., например, [30], [10]). Заметим, что для Г. Д. Гребенщикова традиция Ф. М. Достоевского была не менее значима, хотя и в литературоведении не рассматривалась. В творческом отношении взаимоотношения Гребенщикова с Достоевским при невозможности личной встречи (как с Л. Толстым) развивались в рамках дуальной модели: притяжение – отталкивание, подражание – соперничество. С одной стороны, русская литература для сибирского автора ассоциировалась с именами Пушкина и Достоевского, о чем он многократно говорил на лекциях в университете в Америке (см., напр. [6, т. 6, с. 347]). С другой стороны, многие из произведений Г.Д. Гребенщикова написаны под влиянием или в полемике с автором "Записок из Мертвого дома". Достаточно вспомнить названия "Васюткин праздник. Рождественский рассказ" (1906), созданный по мотивам произведения "Мальчик у Христа на елке", или эпопею "Чураевы", написанную под впечатлением последнего романа Достоевского "Братья Карамазовы". Восемнадцатилетний Достоевский в письме брату Михаилу от 16 августа 1839 г. размышлял: "учиться, "что значит человек и жизнь", – в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно; более ничего не скажу о себе. Я в себе уверен. Человек есть тайна.

Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком" [9, т. 28–1, с. 63]*.

* Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т.- Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1972 - 1990. Т. 4. 1972. Далее текст произведений и писем цитируется по этому изданию с указанием тома, и страниц в круглых скобках.

Эта писательская программа отзывается эхом в 1911 г. Г.Д. Гребенщиков признавался в письме близкому другу Алексею Белослюдову, что имеет "психическую потребность" "изучать людей, наблюдать их жизнь", "что ему интересны люди вообще" [6, т. 1, с. 10].

В рамках статьи нас будут интересовать историко-этнографический очерк "Алтайская Русь", открывающий "Алтайский альманах" (1914) и предназначенная для англоязычного читателя книга "Моя Сибирь", создававшаяся на протяжении 30 лет (1920–50 гг.). В них дается мифогеография региона, поэтому важно рассмотреть геоэтические перекрестки двух авторов.

Вопреки авторскому жанровому определению – историко-этнографический очерк, в произведении "Алтайская Русь" создается мифологизированный образ родины. Наследуя традицию Достоевского в изображении амбивалентности топоса Сибири, Гребенщиков использует и космогонические и эсхатологические мифы и рисует Алтай как "земной рай" и ад одновременно; образ Алтая возникает на контрасте пафосов – прекрасного и ужасного" [12, с. 38].

Очерковость жанровой природы произведения несомненно отсылает к "Запискам из Мертвого дома". Кроме того, текст содержит много аллюзий, указывающих на сознательную ориентацию на Достоевского. Например, в "Записках из Мертвого дома" поднималась тема тиранства и пагубного влияния привычки доминировать, приводящей к нравственной деградации личности. "Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь. Я стою на том, что самый лучший человек может огрубеть и отупить от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят: развивается за-грубелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен" (4; 154). Достоевский создает такой тип личности в образе плацмайора Кривцова, который любил говаривать "Я царь, я и бог" (4; 90). В тексте он изображен как "воплощенное зло, тупая и отвратительная сила, облеченная властью" [1, с. 150]. Гребенщиков, развивая тему, пишет о привычке властей к жестокости по отношению к рабочим. "Истязания крепостного человека, как известно, вызывались не всегда необходимостью, но и привычкой к жестокости.

Многие из господ находили в этом своеобразное наслаждение, и у них портился аппетит, если они перед обедом не удовлетворяют своего кровожадного инстинкта. Есть старики, которые еще помнят сороковые и пятидесятые годы прошлого века на Змеиногорском заводе. Они рассказывают: Николай Николаевич, уставщик – то наш, лютой был до розги, дай Бог свято почивать: как заметит, что поторжной – то плохо дерет, вырвет розгу, да сам и зачнет, и зачнет... " [6, т. 1, с. 518]. Еще один тип изображен писателем в образе горнозаводского начальника, который "с лихвой берет у своих подчиненных за то, что на Москве его испортили, руки ему на дыбе вывертели... Он сечет и порет, бьет и мучает всеми муками безответного рабочего, "потому – де ему на сие приказ даден" [6, т. 1, с. 518].

Достоевский в "Записках" только намекает на существование людей, жизнь на воле которых "хуже каторги" (4; 43), а Гребенщиков колоритно описывает эту ситуацию: "Работа в шахтах полуголодных, часто избитых и изуродованных людей была настолько хуже каторжной, что многие кончали самоубийством, многие добивались ссылку на каторгу, многие бежали вглубь гор" [6, с. 102]. Подводя итог, Гребенщиков подчеркивает: "надо представить себе жизнь горнозаводского рабочего начала XVIII столетия, когда кошки и дыбы, кнут и шплицрутен были единственной наградой за его каторжные работы в подземелье, чтобы понять мечту его о заветном Камне" [6, т. 1, с. 517].

Проблема несправедливого наказания поставлена Достоевским очень остро, особенно в эпизодах, когда положенное по приговору число палок отпускают уже по мертвому, но все еще "виноватому" телу, или содержание в кандалах смертельно больных арестантов: "Если назначенное по преступлению число ударов большое, так что арестанту всего разом не вынести, то делят ему это число на две, даже на три части, судя по тому, что скажет доктор во время уже самого наказания" (4; 153). Вторя Достоевскому, Гребенщиков пишет: "что касается прохождения сквозь так называемый "строй", то это была одна из наиболее обычных мер наказания. Нередко "запарывали" насмерть, и если наказываемый лишался сознания, не успев получить положенное число розог, то давали после, когда вылежит в лазарете. Бывало, что и мертвому досчитывали остальные" [6, т. 1, с. 518].

Достоевский изображает калмыка Александру как пример "закоренелой привычки к ударам и наказаниям", когда "многократно битый как – то укрепляется духом и спиной и смотрит, наконец, на наказание скептически, почти как на малое неудобство" (4; 145). Достоевский подчеркивает бесконечное терпение простого русского человека: "те же арестанты, которые проводили такие тяжелые дни и ночи перед самым наказанием, переносили самую казнь мужественно, не исключая и самых мало –

душных. Я редко слышал стоны даже в продолжение первой ночи по их прибытии, нередко даже от чрезвычайно тяжело избитых; вообще народ умеет переносить боль" (4; 153). Развивая эту тему, Гребенщиков пишет: "Но русский народ старого времени был чудовищно терпелив. Он нередко и на побои шел с песнею: *Ах, и трудно нам, ребятушки, / Под рошцей стоять. / Но еще того труднее / Сквозь зеленую брести.* <...> Пели истязаемые люди и все – таки брели сквозь "строй" под рошцей поднятых таловых или березовых палок. Это были поистине каменные люди, нередко состязавшиеся в терпении. Они не только не просили пощады, но из них не могли "выбить" ни одного стона. Старые инвалиды рассказывают, что когда их начинали драть, они брали в зубы полы армяка для того, чтобы не услышали их стона..." [6, т. 1, с. 519].

Кровожадные инстинкты начальников и бессмысленность сурового наказания в "Записках" рождают в душе арестантов Орлова, А – ва и цыгана Куликова мысли о побеге. Этому посвящена глава IX "Побег". Орлов "презирал всякие муки и наказания", *торопил и желал (курсив наш. - Е. С.)* наказания из "жажды деятельности, мщения, жажды достичь предположенной цели" (4; 47). Ему "уже начинали мечтаться дорога, побег, свобода, поля и леса..." (4; 153). В этой страстной мечте – неукротимый животный инстинкт жизни. Когда он понял, вспоминает рассказчик, "что я собираюсь до его совести и добиваюсь в нем хоть какого – нибудь раскаяния, <...> даже что – то вроде жалости ко мне изобразилось в лице его. Через минуту он расхохотался надо мной самым простым душным смехом" (4; 48).

Развивая и поддерживая тему, Гребенщиков описывает волю к жизни сибирских горнозаводских рабочих: "человек в один миг превращался в хищного зверя, когда что – либо становилось на пути к его свободе и тайному уединению и напоминало о возможности снова тлеть в темнице или быть до смерти истерзанными плетьюми" [6, т. 1, с. 520]. В разработке темы побега, Гребенщиков без сомнения ориентирован на Достоевского и даже использует всеми узнаваемую цитату: "Однако в натуре русских беглых людей, как бы невежественны они ни были, помимо животного инстинкта самосохранения, было нечто более ценное и высокое. Это, конечно, была вера, слепая непоколебимая вера в Бога, а вместе с нею и вера в жизнь, в ее лучшее будущее. Что такое пережитые бедствия? Это только Божье испытание или искушение дьявола. И, *униженные и оскорбленные*, рабы и преступники, беглецы и бродяги в дебрях Алтая закладывали свое новое, вольное царство" [6, т. 1, с. 523]. Определение "униженные и оскорбленные" употреблено по отношению ко всем подневольным сибирякам и маркирует доминанту сибирского текста.

Еще одной общей чертой двух писателей, характеризующей сибирский топос, является тема раскольников,

сектантов, страдальцев за веру. В "Записках из Мертвого дома" изображен "кроткий" арестант, читавший днем и ночью Библию: "Он жил у нас уже несколько лет и отличался своим кротким поведением. Замечали тоже, что он почти ни с кем никогда не говорил. Его так и считали каким-то юродивым. Он был грамотный и весь последний год постоянно читал Библию, читал и днем и ночью. Когда все засыпали, он вставал в полночь, зажигал восковую церковную свечу, взлезал на печку, раскрывал книгу и читал до утра" (4; 29). В очерке "Алтайская Русь" большое место уделено этой теме – "сектантам-славянам, в котомочке <...> имевших медные иконы и старопечатные книги" [6, т. 1, с. 520]. "В поисках потаенных мест для насаждения религиозного благочестия русские раскольники в виде калик перехожих, горбунчиков и звероловов появились в предгорьях Алтая задолго до известного горнопромышленника Демидова.

С передачу же горных промыслов Кабинету Его Величества, среди крепостных шахтеров уже ходила легенда о каком-то таинственном "Беловодье", которое существует будто бы где-то поблизости, тотчас за Камнем, и которое нашли русские пустынножители-староверы" [6, т. 1, с. 517].

Пробуждение души преступника, его нравственное возрождение мыслится Достоевским через добровольный труд, общение с животными, искусство (театр), частную собственность и человеческое отношение. Духовная регенерация преступника описывается в терминах христианской риторики: "Боже мой! Да *человеческое* (курсив авт. – Е.С.) обращение может очеловечить даже такого, на котором уже потускнел образ божий. С этими-то "несчастливыми" и надо обращаться наиболее по-человечески. Это спасение и радость их. Я встречал таких добрых, благородных командиров <...> Несколько ласковых слов – и арестанты чуть не воскресали нравственно. Они, как дети, радовались, и, как дети, начинали любить" (4; 91). Полемизируя с классиком, Гребенщиков предлагает иной, более действенный способ – свобода и любование природой: "отшельники-сектанты, пробравшись в Камень, поселялись в наиболее красивых уголках, и спасение души своей соединяли с созерцанием красивой дивной природы. <...> Обилие голубых говорливых рек, высоких причудливых гор, покрытых лесами и коврами из всевозможных цветов – все это делало Камень земным раем, и люди от плетей и кандалов, от гонений за веру и от тяжелой работы шли туда как в место, уготованное им еще при жизни за их земные мучения. Уединенный в девственных лесах, окруженный только птицами да дикими зверьями и обвеянный тишью безлюдия, человек чувствовал близость Бога и неприкосновенно оберегаемое благочестие. Здесь закоренелый преступник невольно превращался в мягкого, благоговейного человека, душа злодея должна была просветляться, благословлять жизнь, но зато как же дорого и ценилась такая

жизнь после тяжелого унижительного рабства!" [6, т. 1, с. 520].

Книга "Моя Сибирь", состоящая из серии художественно-этнографических очерков, – тридцатилетний итог раздумий о малой родине, тоска по которой была многократно усилена в эмиграции. Однако дуализм писательской точки зрения на Сибирь сохраняется и в этом произведении, по большей части представляющей собой апологию Алтая. С одной стороны, Гребенщиков называет Сибирь – "страной великого будущего" [6, т. 5, с. 341, 356] и Алтай – "жемчужиной Сибири" [7, с. 110]. Обильная метафорика, великолепные пейзажные зарисовки, устремленность в будущее создают мифологизированный и притягательный топос: "родина всего человечества, он – колыбель мира, он – колокол земли, а потому и имя его так благозвучно, как мощный колокольный звон: Алтай!" [7, с. 111]. С другой стороны, писатель не теряет трезвого взгляда на современное состояние региона: "А пока что Сибирь при всем своем природном богатстве представляет собой экономически беспомощную страну" [7, с. 96].

Удивительно совпадающими оказываются взгляды двух писателей на геополитическую роль Сибири в будущем. В последнем выпуске "Дневника писателя" за январь 1881 год как программа звучит идея Достоевского о необходимости смены политического вектора с Европы на Азию и освоения Сибири: "Азия – да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем <...> Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш большой корень..." (27; 35–36). Достижения цивилизации должны способствовать возрождению России: "Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия. <...> И знаем ли мы, какие богатства заключены в недрах этих необъятных земель (27; 37). "В рассуждениях Достоевского Сибирь, в одном случае, сравнивается с Африкой – экзотическим и малоизученным материком ("Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки?" (27; 37)), в другом, – выступает в роли своего рода двойника Америки. Сибирь, по Достоевскому, – это "наша Америка": "О, если б вместо нас жили в России англичане или американцы <...>. Вот они-то бы открыли нашу Америку. <...> О, они бы добрались до всего, до металлов и минералов, до бесчисленных залежей каменного угля, – все бы нашли, все бы разыскали, и материал, и как его употребить" (27; 37). Важно, что для писателя это взгляд извне. "В рассуждениях Достоевского о Сибири как о "нашей Америке" явно просвечивает имперский колониальный дискурс, ориентированный на историю освоения Американского континента европейцами" [4, с. 35]. По мысли автора, освоение Сибири может послужить делу

возрождения России в целом: "Стремление в Азию, если б только оно зародилось меж нами, послужило бы, сверх того, исходом многочисленным беспокойным умам, всем стосковавшимся, всем обленившимся, всем без дела уставшим" (27; 37); "Да, много там наших надежд заключено и много возможностей, о которых мы здесь и понятия ещё составить не можем во всём объеме!" (27; 37), – резюмирует писатель.

Г.Д. Гребенщиков также выдвигает идею о смене геополитического вектора: "Не пора ли подумать о перенесении творческой культуры куда-либо на Север или на Восток? Не следует ли задуматься над оплодотворением необитаемых пустынь? Такое устремление к новым дальям, быть может, сдвинет мир с острова непрерывных страданий. Оно поможет росту человеческой культуры, оно вдохновит и укрепит новые поколения. Оно подымет творчество и возродит героический эпос. Наконец, оно смягчит растущую безработицу, а главное, неизлечимую болезнь Европы, задыхающейся в приступах взаимного самоистребления" [6, т. 5, с. 346]. Он считает, что "достижения машинной цивилизации необходимо использовать для того, чтобы Сибирь можно было назвать своей. Техника должна прийти на помощь человеку" [14, с. 97]. Но если Достоевский предлагает сменить вектор и отказаться от традиционного преклонения перед Европой и обратить взгляд на Восток, то Гребенщиков идет еще дальше, полагая, что традиционно оппозиционные локусы Россия, Запад, Европа, Восток могут объединиться, найти точки пересечения: "Возможности Сибири настолько велики, что наш европейский разум даже не подготовлен для того, чтобы вместить их в рамки общепринятых понятий об отношении между Западом и Востоком. Проще говоря, Сибирь – это такое географическое место на земном шаре, где должно возникнуть теснейшее культурное единение самых великих наций и где дружески протянут друг другу руки Восток и Запад" [7, с. 15]. Писатель предлагает "религиозную" модель освоения земли [14, с. 97], построенную на медиаторной функции топоса Сибири как Беловодья: "с той минуты, как нас объединила мечта о будущем Сибири, мы тем самым начинаем великую стройку новой страны и новой культуры" [7, с. 31]. Размышляя о судьбе и роли Сибири, Гребенщиков констатирует, что "из страны каторги и ссылки она сделалась лучшей воспитательницей духа человеческого" [7, с. 48]. Хронотоп наделяется чертами сакрального пространства, земного

рая. "Место каторги должно стать природной кладовой, туристическим курортом и духовным центом культуры" [14, с. 98]. "Великая Сибирь скоро станет наисвободнейшей страной мира, куда стекутся избранные люди всех стран земного шара для... строительства новой мировой страны...нового... мира" [7, с. 51].

Таким образом, геопозитика Сибири и Алтая, в частности, в творчестве Достоевского и Гребенщикова имеет ряд пересечений мифологического, биографического, исторического, культурного, мифопоэтического характера. Отталкиваясь от традиционной лиминальной мифологии Сибири оба автора сходным образом трансформируют общепонятный хронотопический образ преимущественного "каторжного" способа жизни региона и сосредотачивают внимание на постлиминальном преображении личности.

И для Достоевского и для Гребенщикова существенными оказываются антитезы дом–изгнание, но противоположно маркированными. Для Достоевского Дом – это европейская Россия с ее культурными столицами, Сибирь – место несвободы, ссылки, каторги. "Да и дай бог поскорее побывать в России. Там, в России, чувствуешь себя как бы дома" (28–1; 265). Однако постепенно отношение меняется и однозначная маркированность топографии исчезает, демонстрируя динамику авторских представлений о Сибири. В романах Великого Пятикнижия остается только светлый образ Сибири как места постлиминального преобразования личности. В эпистолярном наследии наблюдается сходная тенденция. Обращаясь к барону А.Е. Врангелю 22 сентября 1859 из Твери, Достоевский зовет в гости: "Приезжайте же. Поговорим о старом, когда было так хорошо, об Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я покинул ее, <...> об милейших Змеиногорске и Барнауле, где я после Вас бывал довольно часто... ну да обо всем!" (28–1; 337). В творчестве Г. Д. Гребенщикова также присутствует амбивалентность сибирского топоса как ада и рая одновременно, но топика рая является преобладающей. Если говорить о позиции писателя, то первоначально это точка зрения патриота, изображающего пространство родины. В зрелом творчестве, в эмигрантский период Сибирь представлена как пространство Рая, свободы, природы и противопоставлена всему остальному миру как земля Беловодья, где возможно общение поверх границ и барьеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнерман В. С. "Поручаю себя Вашей доброй памяти..." (Ф.М. Достоевский и Сибирь). – Изд. 3, исправл. и доп. – Омск, издательский дом "Наука", 2015.
2. Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка. Сост., вступ.ст. и примеч. Х. Айдаровой. – Алма-Ата: Казахское объединенное государственное издательство, 1947.
3. Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 345–368
4. Габдуллина В. И. "Азиатская наша Россия": геополитика по Достоевскому // Геопозитика писателей Сибири и Алтая: сб. науч. ст. / Отв. Ред. А.И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 31–36.

5. Габдуллина В. И. Мотив "возрождение Сибирью" в эпистолярном, художественном и публицистическом дискурсе Достоевского // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / Под ред. М.П. Гребневой. – Барнаул, 2015. – Вып. 6. С. 86–98.
6. Гребенщиков Г. Д. Собрание сочинений в шести томах / сост., подгот. текста, вступит. ст. Т. Г. Черняевой; примеч. Л. И. Ермаковой, В. К. Корниенко, Т. Г. Черняевой. – Барнаул: Барнаул, 2013.
7. Гребенщиков Г. Д. Моя Сибирь./ Пер. с англ. яз. Т.В. Медведевой. – Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 2002.
8. Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. – Новосибирск: Наука, 1985.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.; СПб., 1972–1990.
10. Казаркин А. П. Завершающий текст областничества (о книге Георгия Гребенщикова "Моя Сибирь") // Областническая тенденция врусской философской и общественной мысли. – Санкт-Петербург, 2010. С. 75–79.
11. Левашова О. Г. Достоевский и Алтай // История Алтая : учеб. пособие / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул, 1995. – Ч.1 : С древнейших времен до 1917 г. С. 380–385.
12. Левашова О. Г. Топос "Алтай" в "Алтайском альманахе" // Алтайский текст в русской культуре: Материалы третьей региональной научно-практической конференции / Под ред. Т.Г. Черняевой, Н.В. Халиной.– Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 38–46.
13. Маркин П. Ф. Достоевский в Барнауле (факты и домыслы) // Алтай. 1985. № 3. С. 92–96.
14. Маркина П. В. Мифопоэтические образы и мотивы в книге Г.Д. Гребенщикова "Моя Сибирь" // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая: сб. науч. ст. / Отв. Ред. А.И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2016, С. 96–101.
15. Наседкин Н. Н. Барнаул Достоевского URL: http://niknas.narod.ru/4dost/dost_barnaul.htm (дата обращения: 05.09.2016).
16. Анисимов К. В. Парадигматика и синтагматика "сибирского текста" русской литературы (постановка проблемы) // Сибирский текст в русской культуре : сб. статей. – Томск, 2007. Вып. 2. С. 60–76.
17. Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. – Т. 2. – Новосибирск: Наука, 1982.
18. Северный и сибирский тексты русской литературы как сверткесты: типоло-гическое и уникальное. – Архангельск : САФУ им. М. В. Ломоносова, 2014.
19. Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 345–368.
20. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Из "Мемуаров" // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина. – М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 291–311.
21. Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст., ред.–сост. А. П. Казаркин]. – – Томск : Сибирика, 2002.
22. Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст., ред.–сост. А. П. Казаркин]. Вып. 2. Томск : Сибирика, 2007.
23. Сибирь в контексте мировой культуры : Опыт самоописания : Коллектив. моногр. / Сост., науч. ред. и авт. вступ. ст. А.П. Казаркин]; – Томск : Сибирика, 2003.
24. Сибирь: взгляд извне и изнутри: духовные изменения пространства: Материалы Международной научной конференции. – Иркутск, 2004 URL: // http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/
25. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография; отв. ред. К.В. Анисимов. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010.
26. Сибирь // Словарь географических названий, 2001 URL: // <http://diclist.ru/slovar/geograficheskiy/s/sibir.html/>
27. Стенина В. Ф. Сибирь А. П. Чехова: лиминальный хронотоп в рассказе "Мечты" // Геопоэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков : сборник научных статей / отв. ред. А. И. Куляпин.– Барнаул : АлтГПУ, 2017. С. 62–68.
28. Тарлыкова О. М. Аристократ мысли и слова // Журнал "Простор" [prostor.samal.kz http://www.obretenie.info/txt/greb/tarlik.htm](http://www.obretenie.info/txt/greb/tarlik.htm)
29. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о "сибирском тексте" русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. №1. С. 27–35.
30. Черняева Т. Г. Начало творческой биографии Г.Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: Материалы научного семинара "Алтайский текст в русской литературе второй половины XIX – начала XX в.". Вып. 1 / Под ред. Т.Г. Черняевой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 36–47.

© Е.Ю. Сафронова, (esafr@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

